

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Издательство „Малыш“ · 1972

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

РИСУНКИ *Е. Мукаева*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
Москва · 1972

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Прошлую субботу и воскресенье я был в гостях у Димки. Это такой симпатяга, сын моего дяди Миши и тёти Гали. Они живут в Ленинграде. Если у меня будет время, я ещё расскажу, как мы с Димкой гуляли и что видели в этом прекрасном городе. Это очень интересная и весёлая история.

А сейчас будет простая история, как я должен был прилететь к маме в Москву. Это тоже занятно, потому что было приключение. В общем-то, я на самолёте летал, а один, самостоятельно, ни разу! Меня должен был посадить на самолёт дядя Миша. Я благополучно прилечу, а в Москве, в аэропорту, меня должны будут встретить папа и мама. Вот как интересно и просто было у нас всё задумано.

А к вечеру, когда мы с дядей Мишей приехали в Ленинградский аэропорт, оказалось, что где-то произошла какая-то задержка с транспортом, и из-за этого много людей, не попавших на московские рейсы, скопились в аэропорту, и высокий складный дядька толково разъяснил нам всем, что дело обстоит так: нас много, а самолёт один, и поэтому тот, кто сумеет попасть в этот самолёт, тот и полетит в Москву. И я дал клятву попасть именно в этот самолёт: ведь меня папа будет обязательно встречать в Москве.

И дядя Миша, услышав эти приятные новости, сказал мне:

— Как только сядешь в самолёт, помаши мне рукой, тогда я тотчас побегу к телефону, позвоню твоему папе, что ты, мол, вылетел, он проснётся, оденется и поедет в аэропорт тебя встречать. Понял?

Я сказал:

— Всё понял!

А сам подумал про дядю Мишу:

«Вот какой добрый и вежливый. Другой бы довёз, и всё, а этот ещё и позвонит моим родным. И вот я буду как эстафета. Он позвонит, а папа приедет встречать, и я без них один только часок в самолёте посижу, да и там, в самолёте, тоже все свои. Ничего, не страшно!» Я опять сказал вслух:

— Вы не сердитесь, что со мной одни беспокойства, я скоро научусь летать самостоятельно и не буду вас утруждать...

Дядя Миша сказал:

— Что вы, милостивый государь! Я очень рад! А Димка как рад был тебя повидать! А тётя Галя! Ну, держи! — Он протянул мне билет и замолчал. И я тоже замолчал.

И тут неожиданно началась посадка на наш самолёт. Это было столпотворение. Все кинулись к самолёту, а впереди всех бежал я, за мной все остальные.

Я добежал до лестнички, там наверху стояли две милостивые девушки. Просто красавицы. Я бе взбежал к ним и протянул билет. Они меня спросили:

— Ты один?

Я им всё рассказал и прошёл в самолёт... Я уселся у окна и стал глядеть на толпу провожающих. Дядя Миша был неподалёку, тут я стал ему махать и улыбаться. Он эту улыбку поймал, сделал мне под козырёк и тотчас повернулся и зашагал к телефону, чтобы позвонить моему папе. Я перевёл дух и стал оглядываться. Народу было много, и все торопились скорее сесть и улететь. Время уже было позднее. Наконец все устроились, разложили свои вещи, и я услышал, что запустили мотор. Он долго гудел и рычал. Мне даже надоело.

Я откинулся на сиденье и тихонько закрыл глаза, чтобы подремать. Потом я услышал, как самолёт двинулся, и я широко открыл рот, чтобы уши не болели. Потом ко мне подошла

стюардесса, я открыл глаза, у неё на подносе было сто или тысяча маленьких кисловатых да и мятных тоже конфет. Моя соседка взяла одну, потом взяла вторую, а я взял сразу пяток и ещё штучки три-четыре или пять. Всё-таки конфеты вкусные, угощу ребят из класса. Они возьмут с охотой, потому что эти конфеты воздушные, из самолёта. Тут уж не захочешь, а возьмёшь. Стюардесса смотрела на эти мои конфетные операции, стояла и улыбалась: мол, берите, сколько вашей душе угодно, нам не жалко! Я стал сосать и вдруг почувствовал, что самолёт пошёл на снижение, я припал к окну.

Моя соседка сказала:

— Смотри, как быстро прилетели!

Но тут я заметил, что впереди под нами появилось множество огней. Я сказал соседке:

— Вот поглядите, Москва!

Она стала смотреть и вдруг запела басом:

«Москва моя, красавица...»

Но тут из-за занавески опять вышла стюардесса, та самая, которая разносила конфеты. Я обрадовался, что сейчас она будет раздавать ещё. Но она сказала:

— Товарищи пассажиры, ввиду плохой погоды московский аэропорт закрыт. Мы прилетели обратно в Ленинград. Следующий рейс будет в семь часов утра. На ночь устраивайтесь по мере возможности.

Тут моя соседка перестала петь. Все вокруг сердито зашумели.

Люди сходили с лестницы и шли себе спокойненько домой, чтобы утром прийти обратно. Я не мог идти спокойненько домой. Я не помнил, где живёт дядя Миша. Я не знал, как к нему проехать. Пришлось мне придерживаться компании тех, кому негде ночевать. Их тоже было много, и они все пошли в ресторан ужинать. И я пошёл за ними. Они сели за столик. Я тоже занял место. Тут недалеко стоял телефон-автомат междугородний. Я позвонил в Москву. Кто бы вы думали снял трубку? Моя собственная мама. Она сказала:

— Алло!

Я сказал:

— Алло!

Она сказала:

— Плохо слышно. Кого вам нужно?

Я сказал:

— Анастасию Васильевну.

Она сказала:

— Плохо слышно! Марию Петровну?

Я сказал:

— Тебя! Тебя! Мама, это ты?

Она сказала:

— Плохо слышно. Я только и слышу: «Бя, бя, бя». Говорите
раздельно по буквам.

Я сказал:

— ЭМ-А, ЭМ-А, МАМА, это я.

Она сказала:

— Дениска, это ты?

Я сказал:

— ЭМ-А, ЭМ-А, я вылечу завтра в семь часов утра. Наш
московский аэродром закрыт, так что всё благополучно. Пусть
ПЕ-А, ПЕ-А ВЭ-ЭС-ТРЕ-ТИТ ЭМ-Е-НЯ — МЕНЯ!

Она сказала:

— ХЭ-А-РЭ-А-ШЭ-О!

Я сказал:

— Ну, будь ЗЭ-ДЭ-О-РО-ВЭ-А!

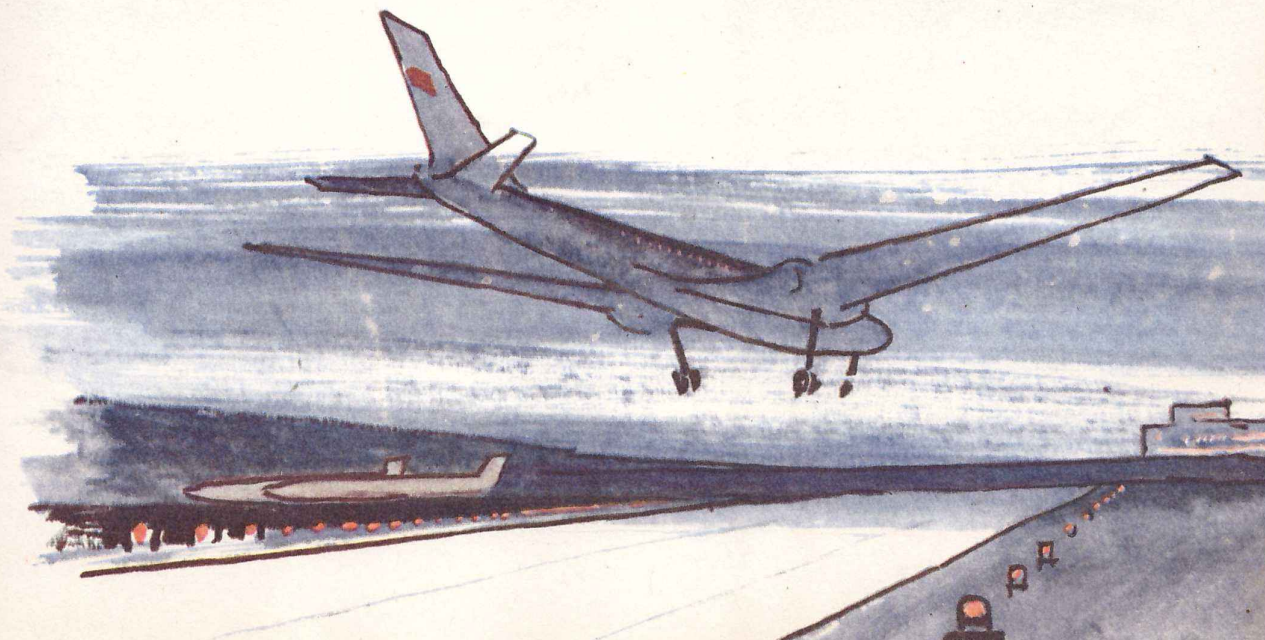
Она сказала:

— ЖЭ-ДЭ-У! Папа выйдет встречать ровно в семь!

Я положил трубку, и у меня сразу стало легко на сердце.
И я ушёл ужинать. Я попросил принести себе котлеты с макаронами и стакан чая. Пока я ел котлеты, я подумал, увидев, какие здесь широкие, удобные стулья: «Э-э, да здесь прекрасно можно будет поспать на этих стульях».

Но покуда я ел, случилось чудо: ровно через полминуты я увидел, что все стулья, совершенно все, заняты. И подумал: «Ничего, не фон-барон, выплусь и на полу! Вон сколько места!»

Просто чудеса в решетке! Через полсекунды смотрю — весь

пол занят: пассажиры, авоськи, чемоданы, мешки, даже дети, просто ступить некуда. Вот тут я даже обозлился! Потом я пошёл, осторожно ступая меж сидящих, лежащих и полулежащих людей. Просто пошёл погулять по аэровокзалу. Гулять среди спящего царства было неловко. Я посмотрел на часы. Уже половина двенадцатого. И вдруг я дошёл ещё до одной двери, на которой было написано: «Междугородний телефон». И меня сразу осенило! Вот где можно прекрасно поспать. Я тихонько открыл дверь. Стоп! Пришлось сразу отпрыгнуть: там уже устроились двое. Дядек офицеров. Они смотрели на меня, а я на них.

Потом я сказал:

— Вы кто такие?

Тогда один из них, усатый, сказал:

— Мы подкидыши!

Мне стало их жалко, и я спросил по глупости:

— А где же ваши родители?

Усатый скорчил жалобную рожу и как будто заплакал:

— Пожалуйста, прошу вас, найдите мне мою папу!

А второй, который был помоложе, захохотал, как тигр. И тогда я понял, что этот усатый шутит, потому что он тоже засмеялся, а за ним засмеялся уже и я. И мы хохотали теперь уже втроём. И они поманили меня к себе и потеснились. Мне было тепло, но тесно и неудобно, потому что всё время звонил телефон и ярко горела лампочка.

Тогда мы написали на газете крупными буквами: «АВТОМАТ НЕ РАБОТАЕТ», — и молодой вывернул лампочку. Звонки затихли, света нет. Через минуту мои взрослые друзья задали такого храпака, что просто чудо. Похоже было, будто они пилят огромные брёвна огромными пилами. Спать было невозможно. А я лежал и всё время думал о своём приключении. Получалось очень смешно, и я всё время улыбался в темноте. Вдруг раздался громкий, совершенно незаспанный голос:

— Вниманию пассажиров, летящих рейсом Ленинград—Москва! Самолёт «ТУ-104» номер 52-48, летящий вне расписания, вылетает через пятнадцать минут, в четыре часа пятьдесят пять минут. Посадка пассажиров с выхода номер два!

Я мгновенно вскочил, как встрёпанный, и принялся будить моих соседей. Я говорил им тихо, но отчётливо:

— Тревога! Тревога! Подъём, вам говорят!

Они сейчас же вскочили. Усатый нащупал и ввернул лампочку. Я объяснил им, в чём дело. Усатый военный тут же сказал:

— Молодцом, парень! Я с тобой теперь в любую разведку пойду. Не бросил, значит, своих подкидышей?

Я сказал:

— Что вы, как можно?!

Мы побежали к выходу номер два и погрузились в самолёт. Красивых девушек-стюардесс уже не было, но нам было всё равно. И когда мы поднялись в воздух, военный, который был помоложе, вдруг громко расхохотался:

— Ты что? — спросил его усатый.

— «Автомат не работает», — ответил тот. — Ха-ха-ха! «Автомат не работает»!..

— Надпись забыли снять, — ответил усатый.

Минут через сорок примерно мы благополучно сели в Москве, и когда вышли, то оказалось, нас совершенно никто не встречает. Я поискал своего папу. Его не было... Не было нигде. Я не знал, как мне добраться до дому. Мне было просто

тоскливо. Хоть плачь. И я, наверное, заплакал бы, но ко мне вдруг подошли мои ночные друзья, усатый и который поможе. Усатый сказал:

— Что, отец не встретил?

Я сказал:

— Не встретил.

Молодой спросил:

— А ты на когда с ним договорился?

Я сказал:

— Я велел ему приехать к самолёту, который вылетает в семь.

Молодой сказал:

— Всё ясно! Тут недоразумение. Ведь вылетели-то мы в пять!

Усатый вмешался в нашу беседу:

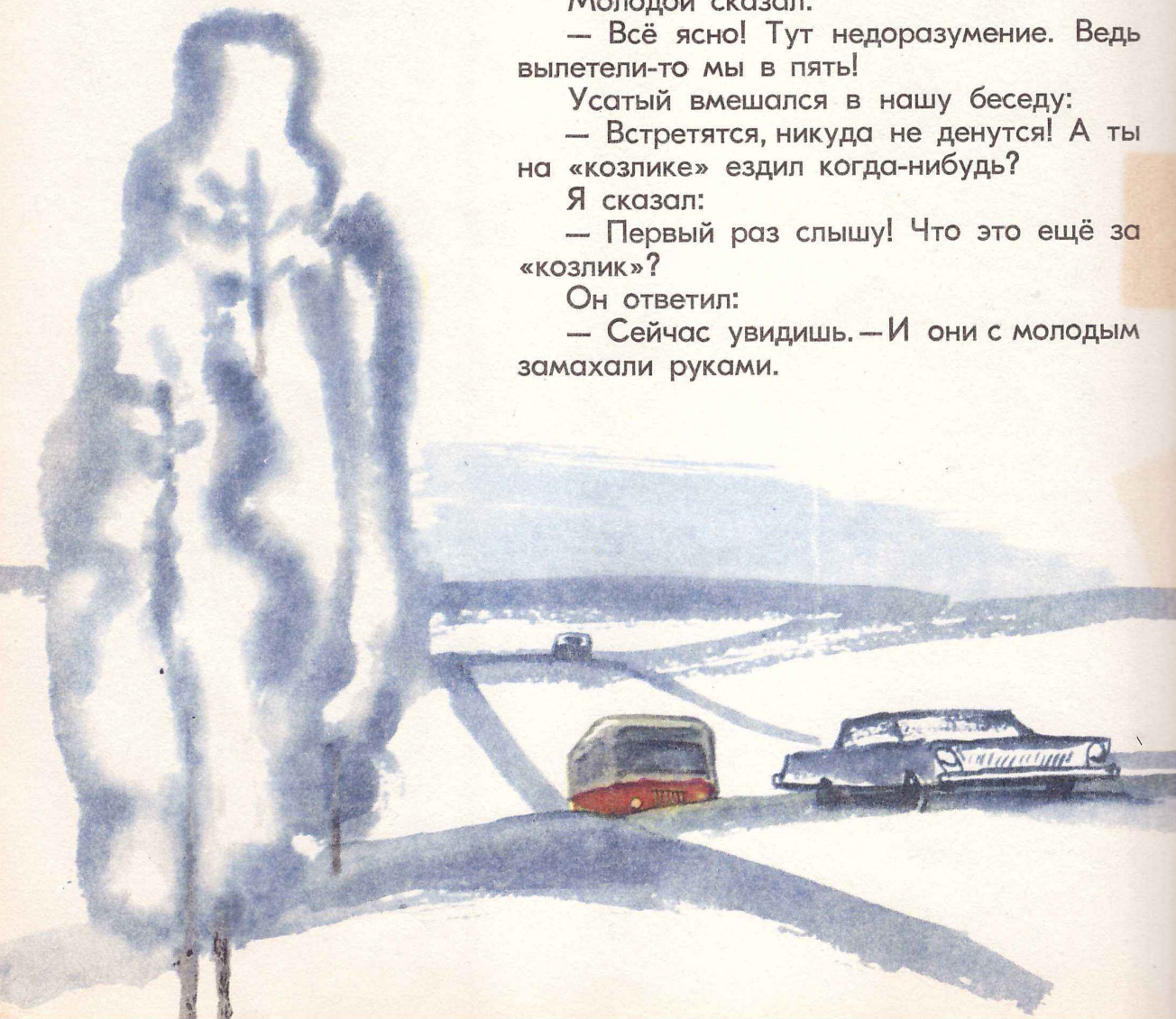
— Встретятся, никуда не денутся! А ты на «козлик» ездил когда-нибудь?

Я сказал:

— Первый раз слышу! Что это ещё за «козлик»?

Он ответил:

— Сейчас увидишь. — И они с молодым замахали руками.

К подъезду аэропорта подъехал маленький кургузый автомобиль, заляпанный и грязный. У солдата-шофёра было весёлое лицо. Мои знакомые военные сели в машину. Когда они там уселись, у меня началась тоска. Я стоял и не знал, что делать. Была тоска. Я стоял, и всё. Усатый высунулся в окошко и сказал:

— А где ты живёшь?

Я ответил. Он сказал:

— Алиев! Долг платежом красен!

Тот откликнулся из машины:

— Точно!

Усатый улыбнулся мне.

— Садись, Дениска, рядом с шофёром. Будешь знать, что такое солдатская выручка. Привезём Красное солнышко к самому Новому Году.

Шофёр дружелюбно улыбался. По-моему, он был похож на дядю Мишу.

— Садись, садись. Прокачу с ветерком! — сказал он с хрипотцой.

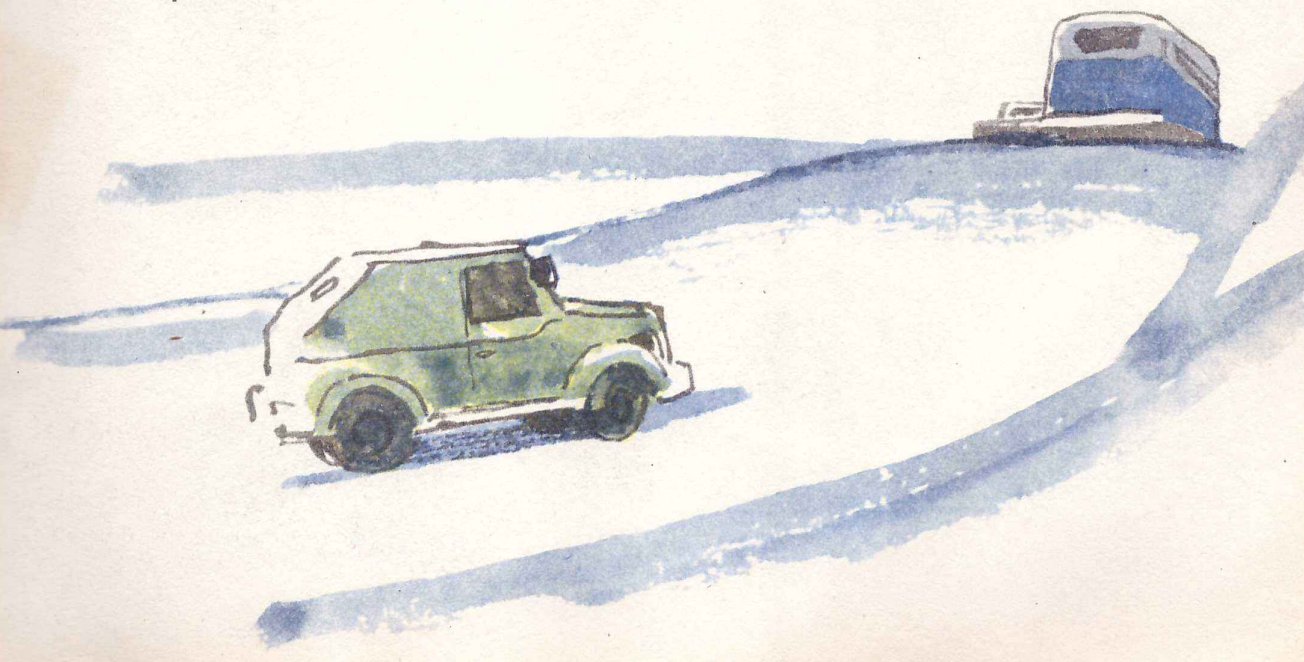
Я сейчас же уселся с ним рядом. Весело было у меня на душе. Вот что значит военные! С ними не пропадёшь. Я громко сказал:

— Каретный ряд!

Шофёр включил газ. Мы понеслись.

Я крикнул:

— Ура!

ЧЕЛОВЕК С ГОЛУБЫМ ЛИЦОМ

Мы сидели возле дяди Володиной дачи на брёвнах, и папа обстреливал большую ореховую палку для моего лука, а я в это время наващивал верёвку для тетивы.

Всё было тихо и спокойно, только в переулке тарахтела дорожная машина, и у неё вместо колёс было два тяжёлых катка — она делала в нашем посёлке асфальтовую дорогу. Сиденье на этой машине помещалось очень высоко, и когда она проехала мимо нас, над нашим забором проплыла голова дорожного рабочего. Лицо у него было всё голубое, потому что у него очень сильно росла борода. Он её брил каждый день, и от этого лицо всегда было голубое. Рядом с этим голубым проплыло лицо румяной девушки, его помощницы, с красивыми чёрными глазами и длинными ресницами.

Я знал, что эти рабочие поехали обедать на свою базу в Сосенки, потому что работать они начали ещё ночью, когда все ещё спали и было не жарко.

Этот дяденька с голубым лицом однажды жиганул меня прутком за то, что я заводил его машину, когда он ушёл. И я его не любил. Я даже боялся, как бы он не пожаловался сейчас папе, что я озорую, но он меня не заметил и проехал мимо.

И мы с папой сидели так рядом на брёвнышках, и я пошвыстывал, а папа помалкивал, и мы только улыбались друг другу, потому что нам очень нравилось жить в этом посёлке. Мы здесь гостили уже шестой день, и я подружился с соседскими ребятами и перезнакомился со всеми собаками. Мы катались на лодках, жгли костры и ходили по грибы и видели, как вдалеке полем пробежали лосиха и лосёнок.

А сегодня мы с папой собирались пострелять из лука и потом запустить змея — высоко-высоко, под самое солнце.

И пока я про всё это думал, вдруг хлопнула калитка и к нам во двор вошёл Александр Семёныч, наш сосед, у него есть своя автомашинка «Волга». Они с папой друзья.

Он сел рядом с нами и сказал:

— Беда.

Папа сказал:

— Что такое?

Александр Семёныч сказал:

— У него, видите ли, свадьба! А мне какое дело? Сегодня свадьба, завтра крестины, послезавтра именины!.. А мне как быть? Сидеть без шофёра? — Он погрозил кому-то кулаком. — У меня дела поважнее вашей свадьбы!

Папа сказал:

— Расскажите толком.

И Александр Семёныч сказал, что его шофёр Лёша решил жениться на одной своей знакомой и сегодня у него свадьба.

— Ну и пусть женится, — сказал папа, — вам-то что?

Но Александр Семёныч разгорячился:

— Мне в город нужно, — сказал он, — вот так! Понятно?

И он попилил ладонью себе горло. Мол, позарез. Но папа молчал.

— Ага, — ехидно сказал Александр Семёныч, — отмалчиваетесь? Палочки строгаєте? А где чувство локтя?!

— Ведь отпуск, — сказал папа, — надо с сыном побыть.

— Никуда он не денется, — заявил Александр Семёныч и шлёпнул меня по спине. — Мы просто возьмём его с собой! Надо парню удовольствие доставить. Пусть прокатится!

И тут я, наконец, понял, чего он добивается. И как это я сразу не догадался? Ведь ездить-то он не умеет! Не умеет управлять

своей собственной «Волгой». А папа умеет. И «Волгой», и «Победой», и «ГАЗ-51», и какой угодно. Потому что у папы есть водительские права, он даже ездил в автопробег Москва—Хабаровск. У него только машины собственной нет, а ездит он классно! И Александр Семёныч намекает, значит, нам, чтобы папа свёз его в город и обратно.

И хотя я видел, что папе не очень-то охота ехать, потому что он пригрелся на солнышке, и ему очень симпатично сидеть в старых брюках около сарая и строгать потихоньку палочку, и никуда ему неохота, но сам-то я очень обрадовался, что можно будет слетать на автомобиле, и поэтому я сразу закричал:

— Поехали! Какой может быть разговор!

И Александр Семёныч вскочил и тоже закричал во всё горло:

— Правильно! Ура! Поехали!..

Тут папа совсем сдался и только сказал умоляюще:

— Только чтобы к трём быть обратно!

Александр Семёныч положил руку на сердце:

— К двум! — И поклялся: — Чтоб мне провалиться на этом месте! К двум часам мы будем здесь. Как штык!

Мы с папой переоделись, а потом вывели машину со двора Александра Семёныча, и они сели впереди. Папа за рулём. А я — позади них и сразу стал смотреть вперёд, на дорогу, на спидометр, на лес, на встречные машины, чтобы воображать, что это я веду машину, я, а не папа, и что она вовсе не автомобиль, а космический корабль, а я самый первый человек, который полетел на небо, к прохладным звёздам.

И так мне интересно было ехать, и приятно, и весело! Вокруг всё было зелёное. Трава, и большие деревья, и тоненькие берёзки — всё было зелёное вокруг. И ветер был такой сильный и тёплый и тоже пахнул зелёным.

Я стоял позади папы и посвистывал и смотрел вперёд на дорогу; она блестела, как серебряная, и, если пригнуть голову, было видно, как дрожит над ней и вьётся раскалённый воздух.

И то попадалась на дороге доска — видно, грузовик обро- нил, — то небольшая охапка сена, и тоже было понятно, откуда она здесь, то шофёрские концы, какими руки вытирают. И получалось, что дорога как будто рассказывает, кто по ней про- ехал до нас с папой и Александром Семёнычем.

А сейчас мы мчались довольно быстро, спидометр показывал семьдесят, и я, наконец, начал играть в космический корабль. Я включил приборы, и выжимал педали, и щёлкал рычажками, и летел мимо Марса и Луны, ещё и ещё дальше, и скоро я решил, что вступил в состояние невесомости, и стал подпрыгивать, чтобы проверить, весомый я или невесомый.

Но папа сказал, не оборачиваясь:

— Стой смирно!

И я опять стал смотреть вперёд. И только я посмотрел вперёд, я сразу увидел, что на дороге — девочка! Бежит перед самой нашей машиной. Бежит и бежит. И откуда она взялась, ведь только что её не было! Просто как будто из-под земли выскочила! Наша машина резко вильнула вправо, и страшно загудел гудок... И я успел заметить, что девочка тоже метнулась вправо, опять под машину, и тут раздался какой-то дикий визг, и лязг, и скрежет, и машину как будто кто-то дёрнул за хвост, и дальше всё пошло совершенно непонятно. Мне показалось, что через меня прошёл электрический ток, и сразу что-то в машине жалобно зазвенело, а потом словно бы хрустнуло, и гудок

непрерывно гудел, а я весь прижался к переднему сиденью, я ухватился за него руками, и локтями, и грудью и вдруг увидел, что берёзки в окне упали все сразу налево, а потом быстро появились снова и опять рухнули влево... И тут всё остановилось. Я стоял на четвереньках. Надо мной было открытое окно, как будто я был в подводной лодке или на дне колодца. И вдруг, сам не знаю почему, я стал карабкаться, как кошка, и вцепляться во что попало — в чехлы, в ручки и, в общем, я моментально выскочил наружу. Наша машина лежала под откосом на боку. У неё не было никаких стёкол. Из-под мотора вытекал небольшой дымок. Крыша была сплюснута, как старая шляпа. Машина всё время гудела. Колёса у неё вертелись, как лапки у жука, когда его перевернёшь.

Из другого окошка вылез человек. Это был Александр Семёныч. Он вылез и сразу подошёл ко мне.

Он сказал:

— Ты не знаешь, где мой левый ботинок?

И правда, одна нога у него была разута. Он взглянул на машину, схватился за голову и опять сказал:

— Не могу понять, куда девался ботинок... Поищи...

И я стал шарить в траве.

Ботинка нигде не было, а машина всё время гудела тоскливым голосом. Я не мог этого слышать, у меня мурашки бежали по затылку, и я отошёл от неё чуть-чуть подальше.

Около края дороги остановился грузовик, из него попрыгали солдаты и побежали вниз, к нам. Один солдат заглянул в машину и замахал руками остальным:

— Там человек! Быстро!..

И солдаты схватили машину и поставили её на колёса.

Она всё время гудела, как будто звала. И вдруг я подумал, что там за рулём сидит мой папа!

Как я мог об этом забыть! Мне стало ужасно... Я побежал к машине.

Папа сидел, неудобно скрючившись, всё тело его было повернуто назад, как будто он смотрел в заднее окно. Рука его была в руле, она и нажимала на гудок. Кружок сигнала и костяной круг переплелись между собой и, как капкан, держали папину руку возле локтя. Рука была синяя, распухшая, и из неё лилась кровь.

Солдаты стали раздирать руль. Они открыли дверцы, и папа вышел на воздух. Он был весь белый, и глаза у него были белые, и рука висела, как будто она была от другого человека. Я подбежал к папе и встал перед ним, но он не успел меня заметить, потому что в это время на мотоцикле подъехали милиционеры.

Один из них сказал:

— Предъявите права!

Папа стоял к нему боком, и этот милиционер не видел его руки, и папа медленно и неловко полез левой рукой в правый карман и никак не мог в него залезть. Тогда я подошёл к папе вплотную и достал из кармана права. Тут он поглядел на меня. Он схватил левой рукой меня за плечо и нагнулся ко мне близко-близко. Он сказал как будто издали:

— Это ты? — И стал трясти меня и закричал: — Где больно? Говори!..

Я сказал:

— Ничего не больно. Я весь целый...

Папа сел на корточки и привалился к колесу. У него лицо стало мокрое. Пот бежал у него со лба толстыми каплями. Он вдруг начал сползать набок, как будто хотел прилечь. Я вцепился в его рубашку, чтобы он не ложился на землю.

Но тут к нам протиснулся человек в белом халате. Он стал перед папой на колени и сразу схватил его за правую руку.

Это был доктор. Он сказал:

— Перелом. Двойной.

И поднял папу и повёл его к большой машине. Народу вокруг было очень много, по краю дороги стояли автобусы, «москвичи», «газики». Я даже заметил, что дорожная машина с нашей улицы тоже здесь. Я пошёл за доктором и папой, но меня от них оттирала толпа. Когда папа поднялся наверх по откосу, я увидел, что к нему подбежал дорожный рабочий с голубым лицом, тот самый, что когда-то давно грозил мне. Он что-то сказал папе на ходу, и папа кивнул головой. Потом папа стал садиться в «скорую помощь». Я решил бежать за ним и его машиной, пока не догоню. Тут папа обернулся и что-то крикнул мне. Я не расслышал что. Машина тронулась и поехала, я побежал за ней, но не успел взбежать кверху, было высоко, и я остановился, потому что очень билось сердце.

Сверху была видна наша «Волга». Она стояла, как подбитый танк. Из-за неё вышел Александр Семёныч и сказал:

— Можешь себе представить, ботинок лежал в багажнике. Фантастика!

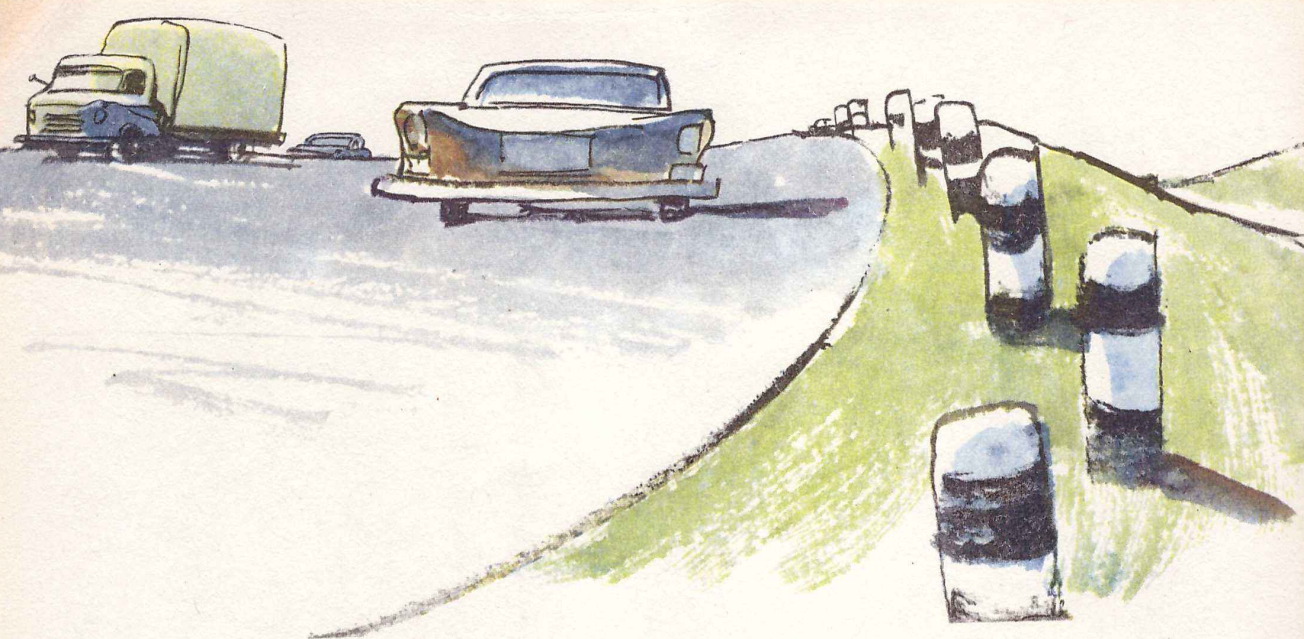
К нему подошёл милиционер.

— Так, — сказал он и стал опять писать в блокноте, — сейчас будем продолжать... А мальчишка этот, видать, в сорочке родился. Ни царапинки! Стало быть, это ваша машина?

Я хотел его спросить, когда же привезут обратно папу, но в это время сверху крикнули:

— Товарищ начальник! Мы мальчонку с собой заберём, чего ему тут на солнце печься!.. Мы на ихней улице асфальт кладём. Как раз у самого дома. Иди, мальчик, сюда!

Это кричал со своей машины человек с голубым лицом.

Милиционер сказал:

— Поедешь?

Я не знал, что ответить, потому что мне было совестно оставлять Александра Семёныча одного. А он, видно, догадался, про что я думаю, и сказал:

— Ничего, поезжай...

Я сказал:

— А вы без меня управитесь?

Он сказал:

— Постараюсь. Мне помогут.

Но я не двинулся с места.

Тогда сверху соскочила красивая девушка, что сидела рядом с голубым человеком. Она взяла меня за руку и сказала:

— А мы ему руль дадим поддержать. Да, Ваня? Товарищ начальник, вы ему разрешите, пожалуйста, за руль подержаться. Он у нас будет сам править, честное слово! Он даже, если захочет, будет сигналы дудеть. Да, Ваня? Он будет дудеть, и все ему будут завидовать, а вы, товарищ начальник, наверно, тоже будете ему завидовать. Да! Иди сюда, мальчишка, золотко моё, на, держись за руль, чтоб ты был здоров!

Она так пела надо мной, как над маленьким, и поставила меня впереди голубого человека. От него сильно пахло горячим бензином. Он положил мои руки на руль, а рядом

свои, и я увидел, какие у него толстые пальцы с широкими ногтями.

Он нажал на педаль, загремел рычагами, и мы, все трое, отъехали от этого страшного места. Всё было зелёное вокруг — и трава, и тоненькие берёзки, — и ветерок пахнул чем-то зелёным, как будто ничего не случилось.

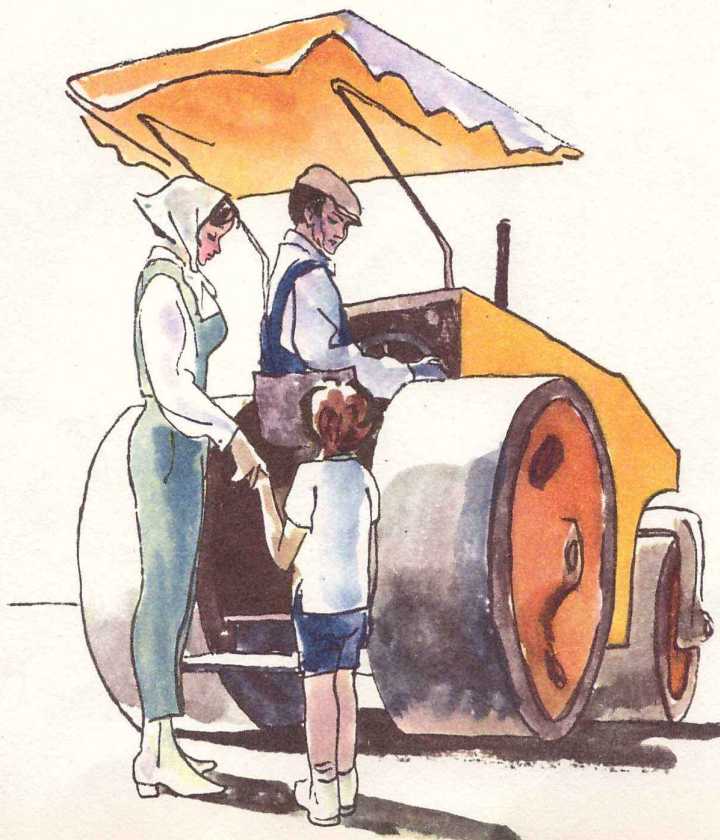
И мы так ехали и молчали, и, хотя я держал руки на руле, я не играл ни во что. Мне не хотелось. А дяденька с голубым лицом вдруг сказал своей помощнице:

— Ты посмотри, Фирка, какой папаня у этого огольца! Ведь это не каждый рискнёт... Не схотел, значит, чужую девочку жизни решить. Машину разбил! Хотя машина что, она железная, туды ей и дорога, починится. А вот ребёнка давить не схотел, вот что дорого... Не схотел, нет. Сыном родным рискнул. Выходит, душа у человека геройская, огневая... Большая, значит, душа. Вот таких-то, Фирка, мы на фронте очень уважали...

Он нащупал и надавил мой нос, как кнопку звонка:

— Ззынь...

И за то, что он сказал такое хорошее про моего папу, я изо всех сил сжал его толстый палец и заплакал.

АРБУЗНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Я пришёл со двора после футбола усталый и грязный, как я не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счётом 44:37. В ванной никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

— Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

— Живого быка? — сказала она.

— Ага, — сказал я.

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

— Ешь, — сказала она.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

— Я не буду лапшу!

Мама сказала:

— Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Там пенки!

Мама сказала:

— Какие пенки?

И тут вошёл папа. Он посмотрел на нас и спросил:

— О чём тут диспут? О чём такой жаркий спор?

Мама сказала:

— Полюбуйся! Не хочет есть! Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

— А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

— Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

— Ах, вот оно что! Его высокоблагородие фон-барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит. Я сказал:

— Это что такое — марципаны?

— Я не знаю, — сказал папа, — наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон-барона Кутькина-Путькина! А ну давай ешь лапшу!

Я сказал:

— Да ведь пенки же!

— Заелся ты, братец, вот что! — сказал папа и обернулся к маме. — Возьми у него лапшу, — сказал он, — а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него

было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел — по-чужому. И я сразу перестал улыбаться — я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он вдруг сказал, и как будто не мне, и не маме, а так кому-то, кто его друг:

— Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, — сказал папа, — как невесело, неуютно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся в город. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, всё понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне всё время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды.

Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано.

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу — стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дяденька, худой такой, небритый. И вот он берёт арбуз и кидает его своему товарищу, а тот — продавщице в белом, а та — ещё

кому-то четвертому. И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть — играют люди в зелено-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дяденька тоже на меня смотрел и всё улыбался. Славный человек! Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйста — тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная

мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошёл домой. И не успел я отойти, вдруг слышу — зовут:

— Мальчик, мальчик!

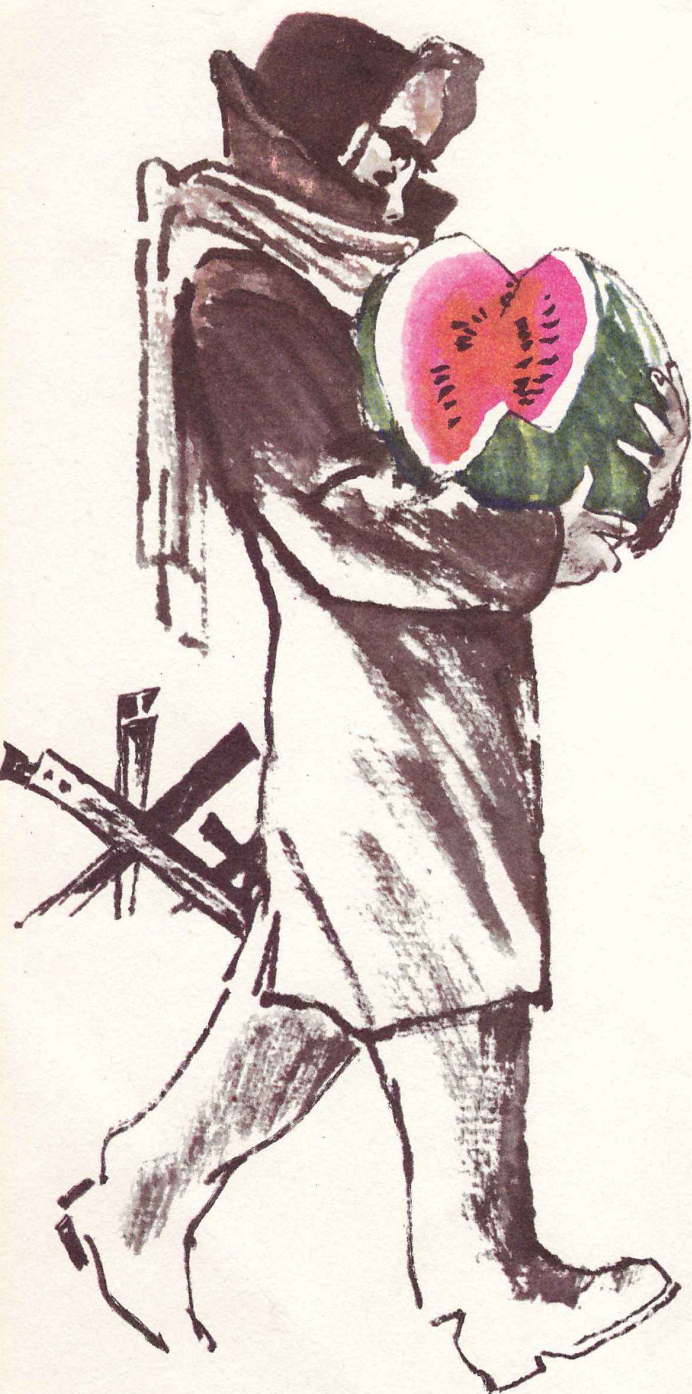
Я оглянулся, а ко мне бежит этот рабочий, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

— На-ка, малый, арбузика тащи, дома поешь!

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на своё место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба съели этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусища, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розоватый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щёлкнуть пальцем, звон пойдёт знаешь какой? Как от барабана. И об одном только мы с Валькой жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы ещё лучше наелись. Да...

Папа повернулся и стал смотреть в окно.

— А потом ещё хуже завернула осень, — сказал он, — стало совсем холодно, с неба сыпал сухой снег, и его тут же сдувало ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты всё шли и шли к Москве, и я всё время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне ещё снились арбузы. И однажды утром я прямо уже ни о чём не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

— Пойдём, Валька, сходим в этот арбузный переулочек, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадёт, и может быть, нам его опять подарят.

И мы закутались с ним в бабушкины платки, потому что холод был страшный, и пошли в арбузный переулочек. На улице был серый день, мало людей, и было тихо, не то что сейчас. В арбузном переулочке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждём, когда же придёт грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он всё не приезжал. Я сказал:

— Наверно, завтра приедет...

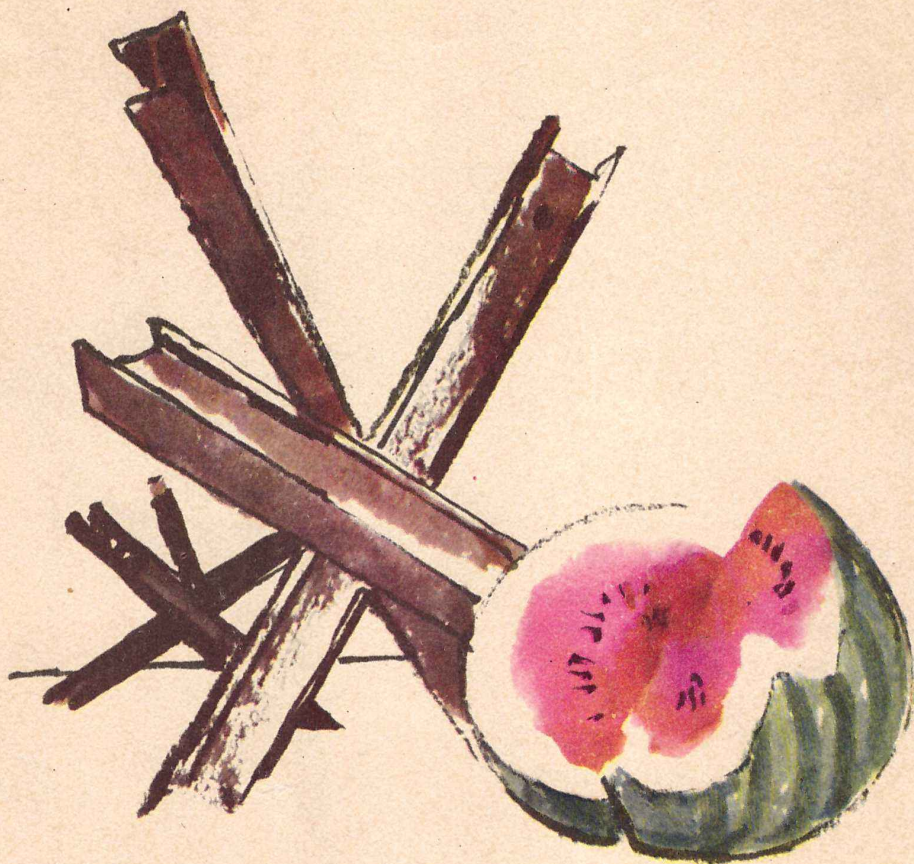
— Да, — сказал Валька, — наверно, завтра.

И мы пошли с ним домой. А на завтра снова пошли в пе-

реулок, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьёт, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, съел всё. И наклонил потом тарелку к себе, и выпил остатки, и хлебом обтёр доньшко, и ложку облизал.

Для младшего школьного возраста

Виктор Юзефович Драгунский

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Художник Е. Шукаев

Редактор Э. Степченко.

Художественный редактор Ю. Поливанов.

Технический редактор Н. Малинкина.

Корректоры Н. Пьянкова и Н. Шадрина.

Сдано в производство 23/III-72 г. Подписано в печать 14/VIII-72 г. Бумага офсетная №1. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,4. Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 300 000 экз. Изд. №1959. Заказ №723. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.